

Ю. В. ЕГОРОВ

НАРОДНЫЙ ФРОНТ ВО ФРАНЦИИ: ЗНАЧЕНИЕ И УРОКИ. (НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ) ¹

В оценке значения французского Народного фронта среди буржуазных историков и мемуаристов существуют две основные тенденции.

Сторонники первого направления — это, как правило, реакционные ученые и политические деятели, не скрывающие своей враждебности к Народному фронту, — смотрят на него как на «красный кошмар» — источник всех бед, которые обрушились на Францию. В представлении таких авторов, как Шастене,² Кристиани³ и др., Франция Народного фронта — это страна, где царили беззаконие и произвол, где происходила непрерывная девальвация франка, где никто не хотел работать и лень стала повальной болезнью. Именно Народный фронт, утверждают многие из этих историков и мемуаристов, был главным виновником поражения Франции в 1940 г.⁴

Однако большинство буржуазных историков не разделяет подобного обвинения. Наиболее распространенной в буржуазной исторической науке является другая тенденция, сторонники которой избегают рисовать время Народного фронта только в черных тонах и не пытаются свалить на Народный фронт вину за воен-

¹ Тема статьи потребовала рассмотрения не только работ тех или иных историков, но и анализа ряда высказываний самих политических деятелей периода Народного фронта.

² Chasteney J. Histoire de la Troisième République. Т. 6, 7. Paris, 1962—1963.

³ Cristiani Ch. La Fin d'un régime. Lyon—Paris, 1946.

⁴ Fabry J. De la place de la Concorde au cours de l'intendance. Paris, 1942, p. 7, 122, 177; Tournoux J.-R. Pétain et de Gaulle. Paris, 1964, p. 166; Beaufre A. Mémoires, Paris, 1965, p. 100; Jonchay R. La Résistance et les communistes. Paris, 1968, p. 26—27; Horne A. To lose battle. France 1940. London, 1969, p. 59; Conquet A. Auprès du maréchal Pétain. Paris, 1970, p. 50.

ную катастрофу 1940 г. «Стало обычным, — пишет один из крупнейших историков Третьей республики Эдуард Боннефу, — судить о Народном фронте, о его стремлениях и его слабостях в связи с международным кризисом 1938—1939 гг. и нашим военным поражением 1940 г. Я считаю, что именно в этом историческая наука совершает ошибку... Конечно, вполне законно стремление помнить и о том, что произошло затем, но не менее важно сохранить в памяти то, что произошло до описываемых событий».⁵

В то же время для многих зарубежных исследователей, даже для тех, кто проявляет определенные симпатии к Народному фронту, он остается коротким — пусть «радостным» и «солнечным», — но все-таки лишь небольшим символическим эпизодом, «лирической иллюзией», не оставившей почти никакого следа в новейшей истории Франции.⁶ Народный фронт, по словам Жана Гранмужена, имел «похвальные цели и ориентацию», тем не менее он распался «вследствие его полного несоответствия современной ему эпохе».⁷ Об отсутствии каких-либо положительных результатов в деятельности Народного фронта пишет видный французский экономист Альфред Сови. Он считает, что Народному фронту «удалось лишь кое-как стабилизировать производство на его низком уровне периода кризиса и обеспечить рабочим эфемерную прибавку к зарплате, которая была быстро утрачена... Буржуазный строй ни в коей мере не был затронут: понеся тяжелые расходы, он в конце концов восстановил свои прежние позиции».⁸

Подобные утверждения обычно подкрепляются ссылками на то, что после Мюнхена и окончательного распада Народного фронта большинство социальных законов лета 1936 г., если и не было официально отменено, то, во всяком случае, не соблюдалось. Почувствовавшие свою силу предприниматели стали тысячами увольнять профсоюзных и партийных активистов. Затем началась война, за которой девять месяцев спустя последовал сокрушительный разгром и капитуляция Франции. 10 июля 1940 г. парламент, из которого были изгнаны депутаты-коммунисты, 569 голосами против 80 предоставил чрезвычайные полномочия Петену. И это был тот самый парламент, избрание которого четыре года назад приветствовали трудящиеся Франции, тот парламент, который утвердил социальное законодательство лета 1936 г. Под свежим впечатлением от всех этих событий американский историк Р. Хейл писал через полгода после капитуляции Франции: «Народный фронт не оправдал возлагаемых на него надежд: он не

⁵ Bonnefous E. Histoire politique de la Troisième République, t. 6 (1936—1938). Paris, 1965, p. 369.

⁶ См., например: Madaule J. Histoire de France, t. 3. Paris, 1966, p. 227—228; Chavardès M. Eté 1936. La victoire du Front populaire, 1934—1939. Paris, 1966.

⁷ Grandmougin J. Histoire vivante du Front populaire. Paris, 1966, p. 466.

⁸ Sauvy A. Histoire économique de la France entre les deux guerres. T. 2. De Pierre Laval à Paul Reynaud. 1931—1939. Paris, 1967, p. 464.

свершил то, что собирался свершить; он не сделал Францию свободной, сильной и счастливой».⁹

Однако, несмотря на кажущуюся убедительность, тезис о «крахе великой надежды» и о «неосуществившихся благородных целях Народного фронта» вызывает весьма серьезные возражения.

Разумеется, народные массы получили гораздо меньше того, на что они рассчитывали — в этом смысле их ожидания действительно были обмануты. Но утверждать, что Народный фронт вообще не оказал большого влияния на дальнейшее развитие Франции, нельзя ни в коем случае.

На самом деле деятельность Народного фронта имела счастливые последствия для трудящихся Франции. Широкая коалиция левых сил сумела преградить дорогу фашизму и сорвала попытки реакции установить в стране авторитарный режим. Поражение реакции и фашизма сопровождалось быстрым прогрессом в области социально-экономических отношений. В течение всего нескольких месяцев Народный фронт осуществил беспрецедентную в истории буржуазных государств программу реформ. В результате Франция получила самое передовое в капиталистическом мире социальное законодательство, которое серьезно изменило условия жизни и борьбы рабочего класса и средних слоев. Введение обязательных коллективных договоров создало определенную преграду на пути предпринимателей, стремившихся расколоть рабочих, столкнуть их друг с другом. Капиталистам стало труднее спекулировать на нищете безработных и на боязни рабочих быть уволенными. «Трудящиеся, — указывает Жорж Коньо, — рассматривают эпоху Народного фронта как эпоху своего могущества и достоинства, справедливой и новаторской политики, которая их удовлетворяла, а не разочаровывала».¹⁰ Для миллионов французов даже частичное осуществление Программы Народного фронта означало улучшение их положения. Сорокачасовая рабочая неделя, оплачиваемые отпуска и другие законы 1936 г. глубоко изменили образ жизни сотен тысяч семей. В годы Народного фронта впервые культура, туризм, спорт стали доступны широким массам. Трудящееся крестьянство в результате аграрной политики Народного фронта оказалось в выигрыше, которого оно не знало со времен Великой французской революции.

Завоевания Народного фронта вовсе не были полностью утрачены после его распада. Некоторые из них не осмелилось официально отменить даже правительство Виши. В годы второй мировой войны социальное законодательство Народного фронта вошло в Программу Национального Совета Сопротивления, а затем было положено в основу реформ 1945—1946 гг., которые в целом остаются в силе и по сей день.

В период Народного фронта значительно окрепли организации рабочего класса, прежде всего ФКП и ВКТ. Численность объе-

⁹ Hale R. W. Democratic France. N. Y., 1944, p. 357.

¹⁰ Проблемы мира и социализма, 1966, № 8, с. 16.

диненной Всеобщей конфедерации труда, в которой резко увеличилось влияние коммунистов, выросла в течение 1936—1937 гг. с одного до пяти миллионов членов. Именно эпоха Народного фронта стала поворотным пунктом в истории ФКП: компартия, насчитывавшая в начале 30-х гг. в своих рядах менее тридцати тысяч членов, за короткий срок превратилась во влиятельную политическую силу — к концу 1937 г. в ФКП было более 300 тыс. членов; партия, которая раньше имела в парламенте лишь 9 мандатов, в 1937 г. была там представлена 73 депутатами. Но дело заключалось не только в быстром росте влияния Французской коммунистической партии.

Опыт борьбы за единый рабочий и Народный фронт позволил ФКП и всему международному коммунистическому движению добиться важных успехов в борьбе против сектантства. Лозунг создания Народного фронта получил дальнейшее развитие на VII конгрессе Коминтерна, который указал, что выбор был в тот момент не между фашизмом и коммунизмом, а между фашизмом и демократией.

На всех этапах антифашистской борьбы коммунисты подчеркивали, что перед Народным фронтом не стоит задача установления во Франции социалистического строя, что объединение левых должно противостоять прежде всего фашизму и защищать демократические свободы. Именно поэтому инициаторы Народного фронта стали объектом яростной критики со стороны различных ультралевых элементов, прежде всего троцкистов, обвинявших ФКП в стремлении навечно сохранить *status quo* и, следовательно, капитулировать перед буржуазией.¹¹ В какой-то мере с левацкими авторами смыкаются многие буржуазные ученые, которые вслед за Блюмом, считавшим Народный фронт «не чем иным, как проявлением рефлекса инстинктивной самообороны»,¹² утверждают, что Народный фронт носил сугубо оборонительный характер.¹³ Обычно это обосновывается тем, что в период Народного фронта ФКП «никогда серьезно не рассматривала возможность глубоких и радикальных реформ, которые существенным образом изменили бы структуру режима»,¹⁴ что ФКП все время шла на компромиссы и умеренно интерпретировала Народный фронт, чтобы не оттолкнуть от него радикалов.

На первый взгляд может показаться, что в этой аргументации есть доля истины. Действительно, компартия, подчиняя все главной цели — созданию широкой антифашистской коалиции, воспро-

¹¹ См., например: Guérin D. *Front populaire. Révolution manquée*. Paris, 1970; Danos J., Gibelin M. *Juin 36*. Paris, 1952.

¹² Blum L. *L'oeuvre*, t. 5, Paris, 1955, p. 233, 322.

¹³ См., например: Dalby L. *Leon Blum: evolution of a socialist*. London, 1963; Lefranc G. *Histoire du Front populaire*. Paris, 1965; Brewer D. *The New Jacobins. The French communist Party and the Popular Front*. New York, 1968.

¹⁴ Rovida G. *Leon Blum e il fronte popolare. — Il movimento di liberazione in Italia*. Milano, 1968, № 93, p. 100.

тивилась попытке лидеров СФИО включить в Программу Народного фронта «реформы социалистического характера».¹⁵ Правда, резко отрицательное отношение коммунистов к предложению СФИО¹⁶ и ВКТ о структурных реформах не было лишено известного схематизма,¹⁷ тем не менее ФКП принадлежала главная заслуга в том, что переговоры о Программе Народного фронта были успешно завершены. Коммунисты дали категорический отпор левосектантским элементам (как внутри партии, так и вне ее), которые предлагали «перепрыгнуть» через этап демократических преобразований и сразу же вести борьбу за установление во Франции социалистического строя и диктатуры пролетариата.

В годы Народного фронта Коммунистическая партия — выросшая численно и окрепшая теоретически — приобрела опыт руководства общенациональным движением трудящихся, установила прочные связи с массами.

* * *

И все-таки Народному фронту не удалось надолго удержаться у власти. Просуществовав около трех лет, он распался. Почему же успех Народного фронта оказался столь непродолжительным? Ответы на этот вопрос даются самые различные.

С точки зрения реакционных историков и публицистов главная причина распада Народного фронта заключается в происках компартии, в ее «подрывной деятельности». Вступив в Народный фронт по «приказу из Москвы», ФКП, утверждают эти авторы, непрерывно интриговала, стремилась укрепить свои позиции за счет социалистов и радикалов, что сделало в конце концов невозможным их дальнейший союз с «московской партией».¹⁸

Однако документы и сама деятельность ФКП полностью опровергают подобные утверждения. Совершенно неверным, в частности, является тезис о «присоединении» коммунистов к Народному фронту, — неверным прежде всего потому, что именно компартия, а не какие-либо другие политические группировки, была инициатором и создателем Народного фронта. Не кто иной, как

¹⁵ *Le Populaire*, 1935, 20 I, 7 VII, 9 VIII; Thorez M. *Oeuvres*, T. 8, L. 2. Paris, 1952, p. 22; *Pour la cause du peuple*. Paris, 1935, p. 20—21.

¹⁶ СФИО — Section Française de l'Internationale Ouvrière. Французская секция рабочего интернационала — официальное название Французской социалистической партии.

¹⁷ См.: Егоров Ю. Принятие Программы и Устава Народного фронта во Франции. — В кн.: XXII Герценовские чтения. Исторические науки. Л., 1969, с. 113—115.

¹⁸ См.: Borkenau F. *World Communism: a History of the Communist International*. N. Y., 1939, p. 382—383, 386—388; Allen L. *The French Left and the Soviet Russia: Origins of the Popular Front*. — *World affairs quarterly*, July 1959, p. 99—121; Rémond R. *La vie politique en France de 1870, à 1940*, Fas. 1—3. Paris, 1960, p. 438—439; Seton-Watson H. *From Lenin to Khrushchev. The History of World Communism*. N. Y., 1960, p. 178—179.

коммунисты, первыми выдвинули лозунг Народного фронта. Преодолевая сопротивление СФИО, они сделали все возможное, чтобы привлечь в антифашистскую коалицию радикальную партию. Именно ФКП была инициатором переговоров между левыми парламентскими фракциями в конце мая — начале июня 1935 г. После образования Народного фронта и его победы на выборах коммунисты проявили чувство реализма, немалую гибкость, беспечное терпение и готовность идти на компромиссы — все это во имя сохранения антифашистской коалиции.

Разумеется, политика ФКП не была всегда и во всех отношениях правильной и безошибочной. Французским коммунистам, например, следовало в мае 1936 г. принять предложение СФИО о вступлении в кабинет Блюма, что позволило бы ФКП оказывать большее влияние на политику правительства. Компартии не удалось использовать благоприятную обстановку лета 1936 г. для создания массовых организаций, поддерживающих Народный фронт. Правда, год спустя, в июле 1937 г., ФКП предложила созвать Национальный съезд комитетов Народного фронта с целью упрочения их связей с массами. Но к этому времени движение трудящихся уже шло на убыль и предложение коммунистов не получило развития. «Эйфория, вызванная победой левых на выборах и гигантским забастовочным движением в мае—июне 1936 г., — писал Ж. Берлиоз, — как-то отодвинула на второй план нашу вполне оправданную недоверчивость. Успех Народного фронта и улучшение условий жизни трудового населения — все это вскружило голову некоторым коммунистам... Наша партия говорила только о союзе между «партиями Народного фронта»... Мы не ориентировались на массы с должной решительностью и упорством. Мы недостаточно полагались на действия снизу».¹⁹

Ни в коей мере не преуменьшая значения этих ошибок, следует, однако, признать, что политика ФКП в период Народного фронта была в целом правильной. Что же касается версии о «кознях коммунистов» против Народного фронта, то она могла возникнуть лишь в результате предвзятого и недобросовестного изголкования фактов. Если в чем французских коммунистов тогда можно было упрекнуть, так это не в «подрывной деятельности», а скорее — в чрезмерной покладистости по отношению к своим союзникам по Народному фронту. «Коммунисты, — указывает Ж. Берлиоз, — до такой степени опасались предпринять что-либо во вред рабочему единству, они столь недооценивали свою первостепенную роль в создании Народного фронта, что нередко все подчиняли соглашению с социалистическими лидерами и слишком легко уступали перед вето Блюма и Фора».²⁰

В отличие от реакционных авторов, откровенно враждебных Народному фронту, другая группа буржуазных историков и эконо-

¹⁹ Berlioz J. Une leçon de l'expérience du Front populaire. — Cahiers du communisme, 1948, № 1, p. 78—79.

²⁰ Ibid., p. 78.

номистов, — журнал «Эспри» назвал их «технократами»,²¹ — видит главную причину распада Народного фронта не столько в деятельности ФКП, сколько в некомпетентности лидеров социалистической партии, которые возглавили первое правительство Народного фронта и оказались совершенно неподготовленными к управлению сложным механизмом французской экономики.²² Их, по выражению А. Сови, «глубокое невежество в экономических вопросах» привело к тому, что социальное законодательство Народного фронта «не сопровождалось глубокими реформами системы». Блюму не удалось добиться каких-либо положительных результатов, полагает А. Сови, прежде всего потому, что он оказался не в состоянии реформировать структуру капитализма.²³ Дилетантизм социалистических лидеров выразился также в ряде других серьезных ошибок правительства, особенно в том, что девальвация франка была проведена с большим опозданием. При этом А. Сови и другие авторы-«технократы» утверждают, что пренебрежение к экономическим факторам, к «технике управления вообще является характерной чертой левых партий как в прошлом», так и в настоящем.²⁴

Особенно пагубные последствия для Народного фронта, с точки зрения А. Сови и других буржуазных ученых, имел закон о 40-часовой рабочей неделе: он не способствовал уменьшению безработицы, резко замедлил темпы экономического развития, привел к отставанию производства от роста покупательной способности населения, что в свою очередь повлекло за собой повышение цен, которое съело прибавку к заработной плате и свело на нет «эксперимент Блюма».²⁵

Обвинение лидеров СФИО в «некомпетентности», естественно, задело за живое прежде всего социалистов, которые обрушились

²¹ *Esprit*, 1968, № 376, (12), p. 751.

²² См.: *Sauvy A. Op. cit.*; *Combe P. Niveau de vie et progrès technique en France (1860—1939)*. Paris, 1956, p. 162—163; *Fohlen C. La France de l'entre deux guerres. 1917—1939*. Tournai, 1966; *Jeanneuy J.-M. La politique de Léon Blum*. — In: *Léon Blum — chef du gouvernement, 1936—1937*. Paris, 1967, p. 207—232; *Laufenberger H. Expérience Roosevelt et expérience Blum: la revalorisation du pouvoir d'achat*. — *Revue économique internationale*, XXIX, Juin 1937, p. 436—463; *Kalecki M. The Lesson of the Blum Experiment*. — *Economic Journal*, March 1939, p. 26—41; *Wilde J. de. The New Deal in France*. — *Foreign Policy Reports*, 1 XI 1937, p. 139. Очень близки к «технократам» в своей критике экономической политики Народного фронта Ж. Лефран и Ж. Дроз. См.: *Droz J. Le socialisme démocratique*. Paris, 1966, p. 240—241; *Le franc G. Histoire du Front populaire*, p. 231, 387. См. также: *Modern France*. Ed. by E. Earle. Princeton, 1951, p. 136.

²³ *Sauvy A. Op. cit.*, p. 210. См. также статьи в журнале «L'Express» (7 IV 1960 и 28 IV 1960).

²⁴ *Sauvy A. Op. cit.*, p. 465.

²⁵ См.: Егоров Ю. 1) Народный фронт во Франции. Л., 1972, с. 200, 203; 2) Закон о 40-часовой рабочей неделе и крах «экономического эксперимента» Леона Блюма. — В кн.: XXV Герценовские чтения. Исторические науки, Л., 1972, с. 87—89.

на Сови и его единомышленников с резкой критикой. В наиболее полном виде аргументы социалистов в защиту своей политики в 1936—1937 гг. и обоснование целесообразности закона о 40-часовой рабочей неделе изложены в последней книге Жюля Мока, посвященной Народному фронту.²⁶ Подробно разбирая доводы своих оппонентов (А. Сови, Ж. Леффрапа, Ж. Гранмужена и др.), Мок указывает, что цифровой материал, которым они оперируют, ничем не доказывает, так как он был получен в результате изучения положения лишь двух миллионов трудящихся, в то время как во Франции в 1936—1937 гг. насчитывалось в промышленности не менее 9 млн наемных рабочих.²⁷ В действительности, отмечает Ж. Мок, закон о 40-часовой рабочей неделе позволил сократить безработицу по крайней мере на 240—250 тыс. человек.²⁸

Большинство буржуазных исследователей в доказательство тезиса о том, что введение 40-часовой недели оказало отрицательное воздействие на французскую экономику, ссылаются обычно на падение индекса промышленного производства, последовавшее за победой Народного фронта (1928 г. — 100 %):

1936 г.	март—апрель	—88
	май	—87
	сентябрь	—81

Возражая против подобной манипуляции статистическими данными, Ж. Мок справедливо напоминает о тяжелом финансово-экономическом наследии, доставшемся Народному фронту и отвергает попытку свалить на Народный фронт все грехи предшествовавших ему «национальных правительств».²⁹ Мок указывает, что сокращение производства летом 1936 г., связанное с забастовками и отпусками, носило временный характер. С октября 1936 г. (т. е. как раз тогда, когда начался перевод на 40-часовую рабочую неделю) индекс стал повышаться:

1936 г.	октябрь	—88%	1937 г.	январь	—92%
	ноябрь	—90%		февраль	—93%
	декабрь	—91%		март	—94%

— (т. е. на 7% выше, чем накануне прихода Народного фронта к власти). Если же взять среднегодовой индекс, то данные следующие: 1928 г. — 100%; 1936 г. — 85, 1937 г. — 98.

Таким образом, подчеркивает Мок, вопреки утверждениям критиков Народного фронта, промышленное производство при Блюме лишь на 2% не достигло уровня 1928 г., и введение 40-часовой рабочей недели вовсе не является ошибкой, которая повлекла за собой крах всей политики Народного фронта.³⁰

²⁶ Moch J. Le Front populaire, grande espérance. Paris, 1971.

²⁷ Ibid., p. 329.

²⁸ Ibid., p. 331—336, 344—346.

²⁹ Ibid., p. 340—341.

³⁰ Ibid., p. 187, 322—323, 333—334.

Но почему же в таком случае распалось объединение левых и не сбылась «великая надежда»? Важнейшей причиной неудачи Народного фронта Мок, следуя традиционной официальной точке зрения СФИО, считает отход левых партий от попытки трансформировать структуру французского общества и реорганизовать производство на более современной основе.³¹

В этом отношении точка зрения социалистов странным образом совпадает с концепцией «технократов». В самом деле, решительно защищая политику правительства Блюма и законодательство Народного фронта от нападков со стороны А. Сови и его коллег, авторы-социалисты в то же время не возражают против тезиса «технократов» о том, что лидерам Народного фронта следовало бы выйти за пределы своей Программы и осуществить во Франции глубокие структурные преобразования. Однако причины подобной нерешительности социалисты усматривают вовсе не в «экономическом невежестве» Блюма, а в том, что лидер СФИО все время наталкивался на противодействие коммунистов и радикалов.

Следует отметить, что стремление снять с руководства СФИО какую бы то ни было ответственность за неудачу Народного фронта красной нитью проходит через многие работы историков и политических деятелей-социалистов. Любая критика в адрес правительства Блюма встречается ими обычно в штыки. Они приписывают все заслуги в создании и деятельности Народного фронта только социалистической партии, а ответственность за его неудачи возлагают на партнеров СФИО по антифашистской коалиции: на ФКП и радикальную партию.³² Они обычно напоминают о том, что СФИО еще до победы Народного фронта на выборах добивалась включения в Программу Народного фронта таких требований, как национализация железных дорог, страховых компаний, шахт и электростанций, установление контроля над банками и ключевыми отраслями промышленности.³³ Поскольку, однако, против этого решительно выступили коммунисты и радикалы, Блюму пришлось в качестве главы правительства выполнять не программу своей партии, а «более робкую и более ограниченную программу Народного фронта», которая являлась простым каталогом требований, пригодных разве что для избирательной борьбы,

³¹ Moch J. *Le Front populaire, grande espérance*. Paris, 1971, p. 347.

³² См. юбилейные номера журнала «*La Revue socialiste*» (за июнь 1956 г. и июнь 1966 г.); выступления А. Блюмеля, Ш.-А. Жюльена, Ж. Мока, Д. Мейера на коллоквиуме, посвященном Л. Блюму в кн.: Léon Blum — chef du gouvernement 1936—1937, p. 37—46, 161—166, 171—172, 357—360, 377—390; Ligou D. *Histoire du socialisme en France*, 1962; Granel M. Léon Blum, chef du gouvernement, 1936—1937. — *La Revue socialiste*, 1965, № 183, p. 502—522; Il y a 30 ans, le Front Populaire. Lille, 1966 (Creuset, mai—juin 1966, № 1); *L'Action des socialistes en 1936*, SFIO. En hommage à Léon Blum. Arras, 1954, p. 5.

³³ См. статьи Л. Блюма в «*Le Populaire*» (10—12 VII, 2—7 VIII, 9 VIII 1935); Blum L. *L'oeuvre*, t. 4, pt. 1, Paris, 1964, p. 203—219.

но не для управления страной. Руководствуясь такой «бессодержательной программой» и «лишенное возможности выйти за ее пределы», правительство Блюма не могло добиться успеха, оно было осуждено «исполнять власть в рамках капиталистического общества и медленно агонизировать».³⁴

Итак, по мнению социалистов, виновниками поражения Народного фронта являются ФКП и радикальная партия, которые связали лидеров СФИО по рукам и ногам своей непоследовательной программой и помешали социалистической партии «начать решительный переход от экономики капиталистической к экономике социалистической».³⁵

Несостоятельность этой версии, однако, совершенно очевидна. ФКП действительно исходила из того, что программа Народного фронта — это программа коалиции партий и организаций, представляющих интересы рабочего класса, мелкой и средней буржуазии города и деревни. Именно поэтому, указывал Морис Торез, программа Народного фронта не могла быть системой связанных друг с другом социально-экономических мероприятий, радикально меняющих существующий строй, а должна была включать лишь «непосредственные требования всех категорий эксплуатируемых людей».³⁶ Это вовсе не означало, что коммунисты, как утверждал один из руководителей СФИО Леба, намеревались «во имя привлечения в Народный фронт наибольшего числа людей» ограничить будущую программу лишь «самыми мелкими и незначительными требованиями».³⁷ Чтобы убедиться в несправедливости подобного утверждения, достаточно познакомиться с выдвинутыми компартией в августе—сентябре 1935 г. планами оздоровления финансов и сельского хозяйства Франции.³⁸

В конечном счете коммунисты добились включения в Программу Народного фронта таких важных мер по оздоровлению финансов, как демократическая реформа налоговой системы, предусматривавшая уменьшение налогов на трудящихся, высокую прогрессию ставок налога на доходы, превышающие 75 тыс. франков, и обложение монополий, не допуская при этом повышения

³⁴ См.: Il y a 30 ans, le Front Populaire, p. 75—88; Philip A. Les socialistes. Paris, 1967, p. 97; Mayer D. Léon Blum et le Front populaire. — Socialisme, Bruxelles, 1965, № 71, p. 524—530. В своей оценке причин поражения Народного фронта приближается к социалистам Жорж Дюпо (см.: Dureux G. 1) Le Front populaire et les élections de 1936, Paris, 1959, p. 176; 2) L'échec du premier gouvernement de Léon Blum. — Revue d'histoire moderne et contemporaine, janvier—mars 1963).

³⁵ Il y a 30 ans, le Front Populaire, p. 81.

³⁶ См. доклад М. Тореза на Пленуме ЦК ФКП (17—19 X 1935 г.): Thorez M. Pour la cause du peuple. Paris, 1935, p. 20—21 (доклад опубликован также в трудах М. Тореза: Oeuvres, T. 10, L. 2. Paris, 1952, p. 9—103).

³⁷ См. статью Леба «Программа и правительство Народного фронта» в «Le Populaire» (7 VII 1935).

³⁸ Programme financier, proposé par le Parti communiste. — L'Humanité, 1 VIII 1935; Programme de sauvetage de l'agriculture française. — L'Humanité, 28 IX 1935 (Cahiers du bolchevisme, 1935, № 19—20, p. 1167—1169).

цен; борьба с мошенничеством при уплате налогов; контроль над экспортом капиталов и суровые наказания (вплоть до конфискации) за сокрытия капиталов.

Конечно, эти меры, как, впрочем, и вся Программа Народного фронта, не являлись по своему характеру социалистическими и их можно было бы вполне осуществить в условиях капитализма. Тем не менее эта Программа не была, как утверждают социалисты, «робкой» и «непоследовательной». Напротив, полное и последовательное осуществление всех ее пунктов, несомненно, избавило бы Народный фронт от многих осложнений и трудностей, с которыми ему пришлось столкнуться. Но этого сделано не было. Распад Народного фронта был обусловлен именно отходом социалистов и радикалов от общей платформы антифашистской коалиции, а вовсе не отсутствием, как утверждал Блюм, возможности выйти «за пределы совместной программы».

Это отступление от принципов Программы Народного фронта проявилось раньше всего во внешнеполитической деятельности правительства Блюма и Шотана. Попустительство в отношении фашистских агрессоров и позорная политика «невмешательства» полностью противоречили не только духу, но и букве Программы Народного фронта, в которой достаточно определенно говорилось о «применении санкций в случае агрессии» и об организации коллективной безопасности путем заключения пактов о взаимопомощи «согласно принципам франко-советского пакта». При всем своем стремлении сохранить Народный фронт и не допустить раскола страны на два враждующих лагеря коммунисты и левые социалисты не могли примириться с «невмешательством» в испанские дела, с авансами Блюма и Шотана в адрес фашистских держав, т. е. с политикой, которая в конце концов привела Францию к трагедии июня 1940 г.

Хорошо известно, что в разгроме Франции был повинен вовсе не Народный фронт. Июньская катастрофа 1940 г. явилась логическим следствием предательской политики реакционных кругов французской буржуазии, которые, по словам левого социалиста А. Байе, «были готовы приветствовать остроконечные немецкие каски на Елисейских полях, лишь бы не видеть больше кепок негодяев-пролетариев на площади Бастилии».³⁹

И вот с этой буржуазией, видевшей в гитлеризме прекрасное средство борьбы против «социальной опасности», Блюм рассчитывал установить тесное и лояльное сотрудничество. «Важнейшим элементом политики Блюма, — вспоминает Андре Мальро, — было

³⁹ Bayet A. Histoire de France. Paris, 1947, p. 268. «Майско-июньский кризис 1936 г., — писал генерал Гамелен, — поверг в ужас значительную часть французской буржуазии и заставил ее забыть об опасностях гитлеризма и фашизма, стоявших у нашего порога. Народный фронт в их представлении ассоциировался с большевизмом, из страха перед которым появился лозунг, развративший душу нации, — „Зачем умирать за Данциг?“» (Gamelin M. Servir, t. 1. Paris, 1946, p. 219).

стремление к примирению... причем к такому глубокому примирению, что оно скорее походило на обращение противника в свою веру». ⁴⁰ В надежде если не на «обращение противника в свою веру», то по крайней мере на его понимание и доверие Блюм часто повторял, что правительство Народного фронта вовсе не является социалистическим, что оно намерено действовать в рамках капиталистической системы и, следовательно, никакой угрозы «марксистской революции» не существует. ⁴¹ Но все было тщетно. В глазах крупной буржуазии правительство Блюма оставалось «министерством масс», осуществившим «проклятые» законы лета 1936 г.

Пусть эти законы не выходили за рамки существующего строя и лишь способствовали усилению во Франции тенденций государственно-монополистического капитализма. ⁴² Пусть реформы Народного фронта (по крайней мере большинство из них) ущемляли интересы отдельных капиталистов не в большей степени, чем, например, законы, проведенные Рузвельтом в годы Нового курса. Для консервативно настроенной крупной французской буржуазии, не питавшей (как, впрочем, в то время и многие американские капиталисты) нежных чувств к слишком «розовому» Рузвельту, правительство Блюма оставалось олицетворением «красного кошмара» июньских дней 1936 г. Весьма болезненно реагируя на любое государственное вмешательство в свои дела, французские капиталисты тем более не желали терпеть это вмешательство со стороны правительства, возглавляемого не умеренными буржуазными деятелями, а лидерами социалистической партии, которая в тот период испытывала значительное влияние трудящихся масс и не была, все-таки до такой степени пропитана оппортунизмом и духом межклассового сотрудничества, как, например, английская лейбористская партия. «Деловые люди», — писал в связи с отставкой первого правительства Блюма американский обозреватель Де Вилде, — отказали в своем доверии правительству, созданному и руководимому социалистами, чья партийная доктрина требует уничтожения капитализма». ⁴³

Таким образом, несостоятельной оказалась не Программа Народного фронта, учитывавшая интересы трудящихся, а утопическая надежда социалистических лидеров, занимавших ключевые

⁴⁰ Malraux A. Antimemoires. Paris, 1967, p. 136—137.

⁴¹ См., например: Journal officiel. Debats parlementaires. Chambre des députés, 7 VI 1936, p. 1335; Parti socialiste. (SFIO). 33-e congrès national Compte-rendu stenographique. Paris, 1936, p. 186—198; Blum L. L'oeuvre. T. 4, pt. 1, p. 470—474.

⁴² Во Франции 30-х гг. становление государственно-монополистического капитализма шло более медленными темпами, чем в США или в Германии, и выразилось лишь в создании нескольких смешанных компаний, в национализации ряда военных предприятий, в усилении роли государства в сфере кредита (реформа Французского банка, расширение государственной банковской сети).

⁴³ Foreign policy reports, 1 IX 1937, p. 151. См. также: Goguel F. La politique des partis sous la III-e République. Paris, 1946, p. 514.

позиции в антифашистской коалиции, на то, что имущие классы не будут сопротивляться реализации этой Программы и пойдут на лояльное сотрудничество с Народным фронтом.

В иллюзорности своих расчетов на «понимание» крупной буржуазии пришлось в конце концов убедиться и самому Блюму. Однако какой же вывод из этого он сделал? Этот вывод уже нам знаком: в рамках существующего строя «прогрессивные и справедливые реформы» невозможны; чтобы их провести, необходимо «выйти за пределы совместной программы, которая уважает принципы нынешнего общества». ⁴⁴ Итак, мы вновь возвращаемся к официальной точке зрения СФИО на причины распада Народного фронта.

Интересно отметить, что тезис Блюма о том, что для успеха Народного фронта была необходима трансформация капиталистического общества в социалистическое, развивают не только социалисты, но и ультралевые авторы. Причем делают они это, разумеется, не для оправдания Блюма, а для того, чтобы обвинить и социалистов, и коммунистов, и вообще все организации Народного фронта в «предательстве революции», которая могла бы тогда произойти, но не произошла вследствие трусости и непоследовательности ФКП и СФИО. ⁴⁵ По мнению Д. Герена, Ж. Дано и других историков левацкой тенденции, в 1936 г. во Франции существовала «революционная ситуация», «все было возможно», однако социалисты и коммунисты сумели удержать в узде революционно настроенные массы и не допустили социалистической революции.

Версия о «неудавшейся революции» лишена, разумеется, какого-либо основания. В июне 1936 г. революция действительно могла начаться, так как настроение определенной части рабочих было достаточно боевым, но у этой революции не было никаких шансов на успех. В этом убеждает трезвый анализ соотношения политических сил в стране, в частности настроения средних слоев, которые своей численностью, организацией и идеологией воздействовали весьма сильно — и не в революционном направлении — на развитие событий в предвоенной Франции. Заслуга коммунистов как раз и заключалась в том, что они, добившись немалых завоеваний для народных масс, в то же время сумели не допустить авантюристических выступлений, которые могли причинить трудящимся только вред.

Столь же несостоятельным является усердно развиваемый ультралевыми тезис Блюма о невозможности «прогрессивных и справедливых реформ» в рамках капиталистического общества. Отрицать эту возможность — значит ставить под сомнение целесо-

⁴⁴ Le Populaire, 7 VI 1937.

⁴⁵ См., например: Barjonnet A. Le Parti communiste français. Paris, 1969, p. 223—225; Danos J., Gibelin M. Juin 36, p. 277—282; Audry C. Tombeau de Leon Blum. — Temps modernes, 1955, № 112—113, p. 1753—1802; Danos J. Le Front Populaire: comment on mène la gauche a la dé-faite. — Ibid., p. 1803—1826.

образность всех форм борьбы рабочего класса, за исключением борьбы за немедленное установление социализма. Практика Народного фронта как раз подтвердила, что коммунисты могут и должны еще до взятия власти свести к минимуму возможность насильственных действий со стороны классового врага, а также многое сделать для защиты интересов рабочего класса и средних слоев, для улучшения условий их жизни, расширения демократических прав и свобод народа — не откладывая этого до победы социализма.

Таким образом, если Блюма нельзя обвинять в том, что он не пытался совершить во Франции социалистическую революцию, — то это вовсе не означает, что он, как уверяют социалисты, сделал все возможное и «полностью выполнил свои обязательства».⁴⁶

Нет, обязательства по Программе Народного фронта, как уже указывалось, были далеко не выполнены. И не только в области внешней политики — внутри страны правительство Блюма не предприняло почти никаких мер по ограничению могущества финансистов и крупных промышленников. Для того чтобы лишить капиталистическую олигархию возможности подрывать усилия правительства, вовсе не было необходимости «выходить за рамки Программы Народного фронта» (как считают социалисты) или немедленно ликвидировать во Франции капиталистический строй (как полагают ультралевые). Для этого нужно было в первую очередь последовательно и неуклонно выполнять Программу Народного фронта, в которой предусматривались меры, вполне достаточные для обуздания всех противников левого лагеря.

Однако большинство этих мер осталось на бумаге. Несмотря на требования коммунистов, правительство Блюма так и не провело коренной демократизации налоговой системы. Не был даже установлен строгий контроль за вывозом капиталов на том основании, что «контроль за обменом — это фашистский метод».⁴⁷ Реорганизовав Французский банк, правительство в то же время не пыталось поставить под свой контроль банковскую систему страны. Практически ничего не было сделано, чтобы воспрепятствовать росту цен: созданный Блюмом комитет по наблюдению за ценами не имел никакой реальной власти. В результате финансовая плутократия сохранила в своих руках все средства экономического и финансового воздействия. В какой-то мере Народный фронт уподобился лагерю, устроенному в глубокой долине, окруженной со всех сторон гребнями гор, занятых неприятелем. Банки и предприниматели могли фактически беспрепятственно саботировать производство, организовывать утечку капиталов, сваливая при этом всю вину за экономические неурядицы на Народный фронт.

⁴⁶ Moch J. Op. cit., p. 348.

⁴⁷ Blum L. L'Oeuvre. T. 2, p. 473—474. См. также речь Л. Блюма в социалистической федерации Сены (Le Populaire, 14 IV 1937).

Их действия облегчало еще и то обстоятельство, что Народный фронт внес лишь самые незначительные изменения в состав высших административных кадров, которые имели тесные связи с финансовыми и промышленными кругами. Свои посты сохранили почти все послы в зарубежных странах и префекты, настроенные, как правило, крайне консервативно. Не были тронуты ни полиция, ни суды, которые продолжали потворствовать фашистским заговорщикам. «Республиканское дыхание» не коснулось и армии, офицерский корпус которой не скрывал своего враждебного отношения к Народному фронту.⁴⁸

Блюм надеялся, что отказ правительства от мер принуждения позволит ему постепенно завоевать доверие промышленников и финансистов. Но реакционные и профашистские круги восприняли эту снисходительность правительства как доказательство слабости Народного фронта. Располагая огромным пропагандистским аппаратом,⁴⁹ они вели небывалую по своему размаху и остроте кампанию против мероприятий Народного фронта, против его вождей. Эта кампания — в сочетании с саботажем, парализовавшим экономику, и нерешительной политикой правительств Народного фронта — в конечном счете дала свои результаты: крупной буржуазии вновь удалось увлечь за собой значительную часть средних слоев. Если учесть, что почти половина Франции, как показали парламентские выборы 1936 г., не поддержала Народный фронт и находилась под влиянием его противников, то нетрудно представить, какие катастрофические последствия для Народного фронта должен был иметь отход от него даже части мелких городских и сельских собственников.

Коммунисты на протяжении всего периода Народного фронта отдавали себе отчет в существовании подобной опасности. «Народный фронт, — говорил М. Торез 30 октября 1936 г. — это движение, это действие. Действие предполагает сплоченность масс, объединенных в Народный фронт. Вот почему наша партия не оставляла и не оставляет без внимания ритм, присущий действиям рабочего класса, — с тем чтобы не оставить позади крестьянские массы, чтобы не создавалась опасность появления пропасти между пролетариями и крестьянами, чтобы не допускать раскола в самом рабочем классе».⁵⁰ Именно стремлением сохранить союз рабочего класса со средними слоями объяснялась осторожная позиция ФКП во время майско-июньской забастовки

⁴⁸ По данным социалистической печати, 95% морских офицеров в Тулоне являлись членами «Аксьон франсез» (см.: Wall J. French socialism and Popular Front. — Journal of contemporary history, 1970, v. 5, № 3, p. 10.

⁴⁹ Значительная часть так называемой большой прессы принадлежала к лагерю открытых противников Народного фронта (см.: M a n e v u R. La presse de la III-e République. Paris, 1955). Никаких мер против распространения клеветы в адрес Народного фронта не было принято даже после самоубийства Салангро.

⁵⁰ T h o r e z M. Oeuvres. T. 13, L. 3, p. 80—81.

1936 г. и отказ компартии включить в Программу Народного фронта требования социалистического характера.

В то же время коммунисты прекрасно понимали, что добиться претворения в жизнь даже этой относительно умеренной программы и сохранить союз рабочего класса со средними слоями можно лишь при условии создания широкой сети массовых комитетов Народного фронта и организации на их основе мощного движения трудящихся. Коммунисты постоянно подчеркивали, что Народный фронт должен существовать «не только в палате депутатов, но и на заводах и в мастерских, в учреждениях и в магазинах, в городах и в самых удаленных деревнях», что он должен «иметь глубокие корни в трудящихся массах».⁵¹

Компартии, однако, не удалось убедить рабочий класс и средние слои в необходимости создания низовых комитетов Народного фронта, избираемых на массовых собраниях. В результате руководители СФИО и радикальной партии сумели помешать стремлению ФКП дополнить и подкрепить соглашение «в верхах» «Народным фронтом снизу».

Тем не менее это не означает, что Народный фронт был, как полагают многие буржуазные историки, всего лишь избирательной коалицией лидеров левых партий и организаций. Еще дальше от истины ультралевые авторы, по мнению которых «Народный фронт — это верхушечное соглашение между политическими партиями... которое свело на нет подъем социальной борьбы».⁵² Называя лидеров Народного фронта «могильщиками французской социалистической революции», Герси и его единомышленники утверждают, что союз пролетарских и левобуржуазных партий принес только один вред французскому рабочему классу. Социальное законодательство Народного фронта, заявляют ультралевые, было вырвано самими трудящимися, которые в своей борьбе наталкивались на постоянное сопротивление руководства Народного фронта.

Подобное противопоставление движения народных масс объединению антифашистских партий и организаций совершенно не соответствует реальной действительности Франции 30-х гг. Конечно, между лидерами Народного фронта и трудящимися существовали определенные противоречия.⁵³ Вместе с тем вряд ли

⁵¹ Frachon B. De Toulouse à Nantes. Paris, 1938, p. 27; Cahiers du bolchevisme, 1938, № 1—2, p. 1039.

⁵² Guérin D. Front populaire. Révolution manquée, p. 9.

⁵³ Так, одна из причин майско-июньской забастовки 1936 г. заключалась как раз в том, что рабочие вовсе не безгранично верили в способность правительства Народного фронта быстро и полностью удовлетворить их требования. Об этом свидетельствовал и сам факт занятия предприятий бастующими: хотя рабочие были уверены в том, что Блюм не применит против них полицию и войска, они в то же время очень сомневались в способности правительства Народного фронта помешать предпринимателям использовать для срыва забастовки штрейкбрехеров. Свою борьбу бастующие рассматривали как средство «подтолкнуть» Блюма, заставить

правы те историки, которые полагают, что рабочий класс никогда не оказывал настоящей поддержки «министерству масс», что между Блюмом и рабочими всегда существовало «чувство отчуждения».⁵⁴ При всем своем разочаровании и недовольстве политической кабинета Блюма трудящиеся поддерживали его правительство и видели в Народном фронте организацию, выражавшую их интересы.

Итак, Народный фронт не являлся лишь местом встречи лидеров левых организаций. В его основе лежало массовое движение, возникшее как реакция на угрозу международного и внутреннего фашизма. Именно это массовое сопротивление наступлению реакции и фашизма сделало возможным возникновение Народного фронта, его победу на парламентских выборах и великие социальные завоевания лета 1936 г. Этому взрыву массового энтузиазма, выразившемуся в огромных манифестациях, в невиданных по своему размаху и характеру забастовках, к сожалению, не удалось придать эффективную организационную форму, что сделало Народный фронт уязвимым и непрочным. В результате буржуазия смогла вновь расколоть рабочий класс и оторвать от него средние слои. Отсутствие разветвленной массовой организации Народного фронта облегчило раскольнические маневры правосоциалистических и радикальных руководителей, которые, отступая под напором монополий и банков, пошли в конце концов на ликвидацию Народного фронта. Но они разорвали бы союз с ФКП гораздо раньше, если бы не существовало этого массового порыва к свободе, миру и демократии.

Таким образом, в конечном счете Народный фронт распался вследствие острых разногласий между ФКП и руководством социалистической и радикальной партий, нарушившим взятые на себя обязательства. Были ли, однако, эти противоречия фатально неизбежными и неустраняемыми? Большинство буржуазных, реформистских и ультралевых историков отвечает на этот вопрос утвердительно, ссылаясь обычно на невозможность сотрудничества с компартией, действовавшей якобы «по указке Кремля».⁵⁵ «Между левыми партиями, — пишет, например, Эдуард Боннефу, — отсутствовала подлинная сплоченность. На какой-то момент они объединились перед лицом общей опасности, но в дей-

---

его поскорее сделать что-нибудь для трудящихся. События, последовавшие за майско-июльской стачкой (девальвация франка, «пауза» и др.), также показывают, что было бы большой ошибкой преувеличивать степень слияния «Народного фронта снизу» с «Народным фронтом сверху».

⁵⁴ См., например: Leon Blum — chef du gouvernement 1936—1937, p. 429.

⁵⁵ См., например: Joll J. The Front Populaire — after thirty years. — Journal of contemporary history, 1966, vol. 1, № 2, p. 28; Frossard L.-O. 1939 — année cruciale. Paris, 1939, p. 30; Bron J. Histoire du mouvement ouvrier français, t. 2. Paris, 1970, p. 257; Moch J. Le Front populaire, grande espérance, p. 351—354; Delmas A. A gauche de la barricade. Paris, 1950, p. 10—11, 118—119.

ствительности их все разделяло». ⁵⁶ Особенно категоричны в своих выводах ультралевые авторы, которые коренной порок Народного фронта видят в «самом методе Народного фронта», а именно в «стремлении связать судьбу партий, выступающих за социализм, с судьбой средних классов и радикальной партии». ⁵⁷ По словам Д. Герена, «союз с радикалами можно было бы оправдать только в одном случае, если бы радикальная партия была использована на короткое время с тем, чтобы затем ее опрокинуло и поглотило мощное массовое движение». ⁵⁸ Резко критикуя Народный фронт как заранее осужденную на провал попытку союза рабочего класса с мелкой буржуазией, «фашистское перерождение которой было неизбежно», ультралевые утверждают, что подлинно революционный путь заключался тогда в «организации массовой борьбы с перспективой на восстановление».

Однако эта внешне весьма революционная концепция по сути дела глубоко пессимистична, ибо из нее логически вытекает мысль о невозможности организации успешной массовой борьбы против реакционной политики крупных монополий. В самом деле, с одной стороны, ультралевые историки усиленно критикуют Программу Народного фронта, вокруг которой удалось сплотить достаточно широкую коалицию левых партий и организаций, за ограниченность и непоследовательность; при этом обычно отмечается, что «реформы в рамках капиталистического общества невозможны» и, следовательно, необходимо вести решительную борьбу за немедленное установление социализма. ⁵⁹ Но, с другой стороны, эти же авторы вынуждены молчаливо признать, что поднять сразу широкие народные массы на борьбу за осуществление «последовательно революционной программы» невозможно. Из этих рассуждений сам собой напрашивается вывод о непреодолимости препятствий, с которыми пришлось столкнуться Народному фронту, и о невозможности сколько-нибудь длительного и прочного союза левых сил.

В действительности подобный пессимизм лишен всяких оснований. Разумеется, трудности, стоявшие на пути сплочения левых сил, были очень велики: ведь в рамках Народного фронта объединились тогда весьма разнородные партии и организации, так что противоречия, существовавшие между коммунистами, социалистами и радикалами, были вполне естественны. Однако, ни в коей мере не преуменьшая этих противоречий, следует подчеркнуть, что гораздо большее объединяло коммунистов, социалистов и радикалов, чем разъединяло — их объединяли общие интересы

---

⁵⁶ Bonnefous E. Histoire politique de la Troisième République, t. 6 (1936—1938), p. 374.

⁵⁷ Vincent Ch. The Popular Front in France. London, 1938, p. 3; Bron J. Op. cit., p. 250.

⁵⁸ Guérin D. Op. cit., p. 90—91.

⁵⁹ См., например: Vincent Ch. Op. cit., p. 14—17; Bron J. Op. cit., p. 258; Le mouvement social, 1966, № 55, p. 91.

в борьбе против фашизма, реакции и монополий. Именно эти общие интересы придавали Народному фронту прочную основу — настолько прочную, что сотрудничество левых партий и организаций продолжалось, несмотря на споры по проблемам внешней и внутренней политики, без малого три года (причем из них два года пришлось на период после победы Народного фронта), а ФКП и СФИО оставались союзниками на протяжении по крайней мере четырех лет. В этой связи уместно напомнить, что сотрудничество радикалов с правыми буржуазными партиями, как показал опыт 1926—1928 гг. и 1934—1935 гг., было менее прочным и длительным.

История Народного фронта с момента его зарождения в 1934 г. до распада в 1938 г. убеждает в том, что трудности, с которыми он столкнулся, ни в коем случае не являлись отражением каких-либо органических недостатков или пороков разработанной коммунистами политики Народного фронта.

Народный фронт распался не потому, что невозможен союз рабочего класса со средними слоями, не потому, что невозможно сотрудничество коммунистов с социалистами и буржуазно-демократическими партиями; он распался также не потому, что «реформы при капитализме невозможны». Народный фронт потерпел поражение в силу причин, которые не являлись органическими и не были заложены в его основе. Эти причины вытекали из конкретной обстановки второй половины 30-х гг. (здесь следует прежде всего иметь в виду испанскую войну и особенно — судетский кризис), и если тогда, в 1938 г., левым не удалось сохранить единство, то это вовсе не означает, что сотрудничество между ними вообще невозможно. Народный фронт впервые на практике доказал возможность и необходимость единства левых сил не только в борьбе против реакции, но и в проведении прогрессивной государственной политики, именно поэтому левые партии и организации вспоминают о Народном фронте не с чувством разочарования и раздражения, а с чувством радости и благодарности. Они видят в Народном фронте вдохновляющий символ единства и братства трудящихся.

Прошло уже немало лет со времени Народного фронта, но его уроки до сих пор не утратили своего значения. «Наша политика, — говорил Э. Фажон на конференции, посвященной 50-летию ФКП, — продолжает ту политику, которую мы проводили 35 лет назад. Разумеется, мы не копируем слепо политику Народного фронта. Различие между нынешней и прежней политикой объясняется изменением в соотношении сил как во Франции, так и во всем мире, эволюцией в нашей стране государственно-монополистического капитализма и опытом, накопленным за истекшие годы коммунистами Франции и других стран».⁶⁰

⁶⁰ La fondation du Parti communiste français et la pénétration des idées leninistes en France. Compte rendu analytique du colloque scientifique organisée par l'Institut de Maurice Thorez. Paris, 1971, p. 65.

В новых условиях опыт Народного фронта нашел свое воплощение в создании летом 1972 г. союза левых сил вокруг совместной правительственной программы. Жизнь вновь подтвердила, что не существует непреодолимых препятствий для сотрудничества коммунистов с социалистами и прогрессивными буржуазными партиями.

Своим успехом на парламентских (1973 г.) и президентских (1974 г.) выборах левые были обязаны не только единству действий, но также и совместной правительственной программе, которая представляла собой реальную альтернативу нынешней политике Пятой Республики. Разумеется, эта всесторонне и подробно разработанная платформа левых сил отличается от Программы Народного фронта, по у них есть одна общая черта; обе они направлены на защиту и расширение демократии. Как и Программа Народного фронта, совместная правительственная программа левых сил не предусматривает, конечно, немедленного установления социалистического строя. Однако это вовсе не означает сползания к реформизму и отказа от революционных преобразований, как утверждают ультралевые сектанты. Проведенные на основе этой программы глубокие реформы создадут такую политическую и экономическую демократию, которая сможет стать определенной формой перехода к социализму.

Опираясь на опыт Народного фронта, французские коммунисты продолжают свою борьбу за передовую демократию и за социалистическую Францию, за успешное развитие своих национальных и интернациональных задач в интересах рабочего класса и народа Франции, в интересах мира и социализма во всем мире.